

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

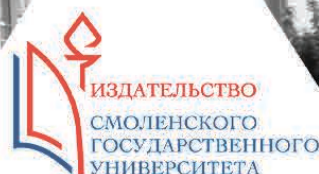
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВЫПУСК 25

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

© Авторы, 2025
© Издательство СмолГУ, 2025

ISBN 978-5-907148-82-6

Смоленск, 2025

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 25

Смоленск
Издательство СмолГУ
2025

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Публикуется по решению редакционно-
издательского совета
Смоленского государственного университета*

Ответственные редакторы и авторы предисловия О.А. Новикова, М.А. Короткова

Рецензенты

доктор филологических наук А.В. Радионова
кандидат филологических наук Д.В. Бутеев

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 25 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. – Р 89
Смоленск: СмолГУ, 2025. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный.

ISBN 978-5-907148-82-6

В сборнике представлены традиционные разделы, посвященные исследованиям русской и зарубежной литературы XIX–XXI веков, теории текста, литературы Смоленской земли, русско-зарубежным литературным связям.

Сборник включен в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN 978-5-907148-82-6

© Авторы, 2025

© Издательство СмолГУ, 2025

О диссертации Всеволода Сухова

Диссертацию Всеволода Сухова я обнаружил случайно на волнах интернета.

Если сказать коротко о впечатлении, то – дождался.

О предыдущих книгах, «афганских» рассказах и романе «Знак зверя» достаточно писали. Чего не скажешь о «мирных» книгах.

Впрочем, рецензии появлялись на «Песнь тунгуса», «С той стороны дерева». Но о книге «Вокруг света» и «Либгерик» – молчок. Так что здесь Всеволод Сухов первопроходец. Высокопарно звучит? Ничуть. Ведь эти книги – книги-территории. «Вокруг света» – книга о Местности в окрестностях хутора Загорья, родины Твардовских; «Либгерик» – книга особой местности, шаманской, байкальско-корейской, в общем, дальневосточной.

Книга «Вокруг света» мне особенно дорога. Я ее писал-фотографировал сорок лет... Еще почти десять лет ждал отклика. Правда, один отзыв был, отзыв старшей дочери Александра Трифоновича Валентины Александровны. Но все же это отклик лица, так сказать, заинтересованного. В книге много говорится об ее отце, семье. Мне, конечно, хотелось услышать мнения и других, тех, кто побывает в «Местности». И вот дождался, повторяю.

Мне немного неловко об этом писать. Критик я здесь пристрастный, разумеется. Возможно, в работе Сухова не все идеально, есть повторы и небольшие погрешности, как например, именование байкальской горы: Бледного света вместо Бедного; или определение деревни Воскресенск древней деревней, хотя это не так. Или, уж не обессудьте, но замечу: королька он посчитал птицей. Но какие усики и узоры у серой невзрачной крошечной этой птички, королька? Королек в книге «Вокруг света» – бабочка. Еще одна оплошность: в «Топонимической модели идеальной земли в романе «Песнь тунгуса» Байкал и Энгдекит поменялись местами, Байкал все-таки реальный объект, а река Энгдекит – мифический.

Но это пустяки. В остальном Всеволод Сухов весьма точен, что меня, честно признаться, и удивило. Я сам уже не все детали помню. Порой даже с познавательным интересом читал диссертацию. И уж точно впервые слышал этот термин: фотоэкфрасис. Спасибо, теперь знаю. Но так все и было. Сухов все верно схватил, выделил главные «светы» этой книги, заострил внимание на самой сути: «Это позволяет ... на стыке разных жанров создать универсальный текст-фотографию, главной целью которого становится поиск образа идеальной местности...».

Образ этой местности мы все носим в своем сердце.

Чтение диссертации Сухова совпало у меня с чтением другого труда, «Метафизики ландшафта», философа Валерия Подороги. Наблюдения Сухова перекликаются с наблюдениями и выводами Подороги. Ну, например. «Мыслитель, если он стремится «выработать» свою мысль в то место, где она становится возможной как мысль о бытии, мыслит то, что через него мыслится

место-пребыванием бытия, т. е. ландшафтом. Творящий ландшафт открывает место-пространство...»¹. По сути, то же самое у Сухова: «Подобное обилие языковых маркеров местности только на первый взгляд может вызвать чувство растерянности и топологической дезориентации. На самом деле здесь всё четко систематизировано и подчинено авторской идее поиска идеальной земли». Нерв рассуждений – тот же.

Тут я вынужден признаться, что книгу Подороги лет тридцать назад брал в Ленинской библиотеке на ул. Большой Советской в Смоленске, делал пространные выписки из нее. И во многом она была для меня походной книгой. Интересно, а Всеволод Сухов случайно не читал ли ту же книгу?

Но смею думать, в погоне за фотоном Местности я был оригинален, как и мой истолкователь Сухов.

«Универсальность мотива мистического путешествия подчёркивается ещё целым рядом всплывающих ассоциаций, которые переводят чтение местности в область “сакральной лингвистики”. Не случайно река начинает ассоциироваться с речью: “Прослышать в сегодняшней речи слова древние, сокровенные. Древние индийцы отождествляли главную реку сакральной географии Сарасвати с Вач, богиней Речью и просили у нее снисхождения... Ну, а мне мерещилась некая рыба речи. То есть, по сути, молчание речи? Постичь молчание речи – значит овладеть таинством слова”».

Сухов поймал эту рыбу, скажу я вам. На мгновение, как и мой герой. В то время, как ее никто и замечать не хотел.

И в садке нашего рыболова Сухова оказывается настоящий улов: «Логика авторской мысли парадоксальна с той точки зрения, что подлинное время (времена, особая пора, поворотный момент, благодать повторяющегося сезона) для искателя обретается там, где это время отсутствует и преобразуется во вселенную – искомую ось мироздания, которая и есть конечная цель духовного путешествия: “Счастье – это лакуна во времени. “Ниша света” (название одного суфийского сочинения) – вот лучший образ для этого”».

В общем, когда пребываешь в особом состоянии постижения, вся Местность и есть Ниша света.

То же и в рассуждениях Всеволода Сухова о книгах байкальского цикла. То есть, та же тщательность и созерцательность странника, решившего пуститься в экспедицию за светом и по ту сторону дерева.

Говоря о первом романе байкальского цикла, «С той стороны дерева», Сухов верно замечает: «Что касается лесника Шустова, то во многом благодаря ему внешне обыденное, ничем не примечательное повествование постепенно превращается в историю духовных исканий, а частные истории завязываются в магистральные сюжетные узлы».

Рецензенты этой книги не разглядели никаких узлов истории духовных исканий, это уж так. Сухов убедительно продолжает: «Первый признак – постепенное изменение сознания рассказчика, для которого Байкал перестает быть только особой географической локацией и становится частью мистического

¹ Подорога Валерий. Метафизика ландшафта. М.: Канон-плюс. 2021. С. 279.

пространства, которое впоследствии обозначается в романе ключевыми словами “тот берег”, “Заповедный Берег”. <...> Так формируется модель мифологического пространства, “силовое поле” которого начинает постепенно затягивать героя в иную систему пространственно-временных координат».

Да!

И Сухов сам как будто оказывается в этом силовом поле, смею заметить, и заметить с большим удовольствием, без ложной скромности. Дело в том, что книги эти мне уже в достаточной мере представляются чужими. А когда они превращались в поля букв, я и сам пребывал в силовом поле байкальского мира. И я только рад, что не загубил и не погасил это силовое поле, о чем и свидетельствует опыт чтения Всеволода.

Не стану распространяться насчет его странствия в мире «Песни тунгуса», оно живое и умное. И об этой книге были хорошие рецензии.

Но особенно меня порадовали его замечания о книге «Либгерик». Это буквально руководство к чтению этой прикровенной книги. Проницательность Сухова меня восхищает.

«Следующей ступенью на пути к обретению высшего, духовного знания становится художница Лидия Диодорова, эвенкийка-полукровка. Ее путь к Заповедному Берегу пролегает через мир искусства. С помощью главного героя – шамана Мишки Мальчакитова – девушка пытается обрести в своих картинах мусун – энергию космической бабушки. Это не что иное, как живительная сила, которая превращает художественное полотно в скрытый портал, форму духовного путешествия “по ту сторону”».

Да, Всеволод Вадимович. Именно так.

И свечением этого мусуна и мне хотелось наполнить строки книги. Даже если слегка заискрило, то это большая удача.

«Все лучшее с героями происходит именно в тот момент, когда они приближаются к тому же пониманию мира, что и Мальчакитов», – констатирует Сухов. Этот эвенкийский парень владел мусуном.

Кстати уж, не могу удержаться и кое-что добавить к сказанному Суховым о романе «Песнь тунгуса»: «Здесь нет чёткой централизованной структуры – сюжет распадается на ряд повествований, разнородных по стилю и жанру и связанных лишь наличием одних и тех же действующих лиц. Восприятие текста осложняется также системой художественных образов, в которой нет героя в привычном смысле слова. Они попеременно сменяют друг друга». Подорога называет это волей к асистемности: «текстовое пространство плюрализуется, утрачивает центр и уникальную перспективу, конец и начало; его уже не прочесть привычным ходом глаз слева направо, не встречая других направлений и ритмов чтения»¹.

И эта воля легко объяснима анархистским духом книги.

Смотрю, тут у меня уже получается целая статья, пора закругляться.

Думаю, диссертация Всеволода Вадимовича Сухова будет полезна для всех странников литературы и мира.

¹ Там же. С. 250.